

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

ОТ КАРЛА МАРКСА К КАРЛУ БАРТУ

В издательстве Библейско-богословского института вышел в свет четвертый том “Церковной догматики” крупнейшего протестантского теолога XX века Карла Барта (1886–1968)¹. Всё издание предположительно должно состоять из пяти томов, включающих ключевые разделы теологической эпопеи, писавшей Бартом с 1932 по 1965 г.

Фундаментальная текстовая тетрактида заставляет испытывать пиетет перед этим внушительным трудом. В отдаленном прошлом похожие чувства российские читатели могли испытывать разве что перед “Капиталом” Карла Маркса. Тогда о Карле Барте никто и слыхом не слыхивал. Однако времена меняются и мы меняемся вместе с ними. Стрелка внутреннего указателя многих поменяла направление. Маркс стал малоинтересен, тем более, что его идеям так и не удалось повысить количество обещанного счастья на душу населения. Нас потянуло от приземленного материализма в совершенно другую сторону, к полузагадочным текстам людей с непривычными именами — Бульман, Бонхоффер, Тиллих, Ранер, Блондель, Бальтазар. Марксистская гавань теснила ум, душу и дух, вызывая только одно желание — скорее покинуть ее.

В неведомых далах обозначился манящий к себе континент западной теологии с ее особыми интеллектуальными сюжетами. Этот мир оказался богат тем, что М.М. Бахтин называл “неограниченными массами забытых смыслов”. Надо было снаряжать свои ответственные шхуны и отправляться, по-

добно Колумбу, открывать для себя эту интеллектуальную Америку.

Конечно, в случае с Бартом отечественные гуманитарии оказались едва ли не позади планеты всей. На фоне его экстраординарной популярности во всем мире наши первые робкие шажки в его сторону выглядят, вероятно, неловкими. Но делать нечего, приходится признать это и продолжать продвижение.

Интеллектуал-аутсайдер

Далеко не всякий мыслитель способен справиться с выполнением двойной функции — обеспечить современников и потомков как интеллектуальной, так и духовной пищей. Но Барт, по общему признанию, оказался способен. В этом одна из загадок его уникальной популярности среди ценителей серьезной, не массовой культуры.

Имя Карла Барта, ставшего столпом современной теологии, сегодня ставят сразу же за именами Мартина Лютера и Жана Кальвина. В рамках XX века его фигура сопоставима разве что с таким гигантом мысли, как Мартин Хайдеггер.

Освоение наследия великого швейцарца — задача не менее трудная, чем освоение стотомника великого немца. А, может быть, даже более сложная, поскольку требует и философской, и богословской подготовки. Впрочем, пишет Барт легко и красиво, причем через внешне привлекательное письмо он умеет передавать движения напряженной мысли. Это сближает его с Лютером, также мастерски

¹ Барт К. Церковная догматика. Том I, II, III, IV / Пер. с нем. (Сер. “Современное богословие”). М.: Библейско-богословский институт. 2007, 2011, 2014, 2015.

владевшим искусством говорить просто о сложном.

Барт был хорошо подготовлен для поджидавшего его поприща. Он вырос в протестантской семье пастора реформатской церкви, ставшего затем профессором богословия. Получил хорошее университетское теологическое образование, слушал лекции Когена и Наторпа. Имел практический опыт пастырского служения, позволявший ему впоследствии видеть проблемы духовной жизни, которые оставались скрытыми от теоретиков с сугубо академическим кругозором.

Став пастором, Барт обнаружил, что либеральное богословие, привыкшее заигрывать с духом секуляризма и даже заискивать перед ним, совершенно не годится там, где надо решать обычные, повседневные, душепопечительские вопросы. Теоретические конструкции, изобретенные университетскими профессорами, не желали сражаться с нуждами простых прихожан. Выход из тупика Барт находит в знаменитом лютеровском кличе “Sola Scriptura!” (“Только Писание!”). На помощь приходит Библия. Молодой пастор погружается в ее чтение и заново открывает для себя мир божественного откровения Ветхого и Нового Завета. На собственном опыте он убеждается в правоте Лютера и Реформации, признавших авторитет Библии выше авторитета церкви и поставивших ее во главу угла духовной жизни христианина. На протяжении всей жизни он будет каждодневно убеждаться, что нет таких текстов, которые хотя бы в чем-то превосходили Библию. Никакие научные, философские и даже богословские трактаты не могут сравниться с ней. На волне этой уверенности Барт врывается в большую теологию книгой “Послание к Римлянам” (1919), направленной против устоев либеральной теологии. Современников она поразила мощным духом интеллектуального нонконформизма.

Либеральное богословие вызвало у Барта решительную антипа-

тию своей излишней покладистостью, готовностью легко сесть на компромиссы с духом секуляризма, а также стремлением покомфортнее устроиться в дружеском соседстве с той интеллектуальной средой, которую его французский однофамилец Ролан Барт назвал “фаустовским пространством греха”. В этом максимализме было то, что роднило его с Лютером и Кальвином и отделяло от инертных, мягкотелых либеральных теологов. Способность чувствовать допустимые пределы толерантного отношения к христианскому разномыслию и вольномыслию всегда была сильной стороной Барта.

Обновление теологической позиции, принесшее Барту мировую известность, имело явную политическую мотивацию. Ему довелось пережить самые трагические события в судьбе Германии XX века, связанные с мировыми войнами. Впоследствии он писал о “черном дне” в августе 1914 года, когда было опубликовано заявление 93-х немецких интеллектуалов в поддержку военной политики кайзера Вильгельма II. Барт признался, что с ужасом увидел в списке имен почти всех своих учителей теологии, которых глубоко читал. Пережив сильнейшее духовное потрясение, разочаровавшись в их “этосе”, он понял, что уже не сможет следовать их пониманию Библии, догматики, истории, этики. Отныне в его глазах представляемая ими либеральная теология больше не имела ценности.

Признание пришло к Барту не сразу. На протяжении двадцати с лишним лет “Церковная догматика” (далее — ЦД) и он сам подвергались регулярным нападкам либеральных богословов. Их пугали его консерватизм, излишне глубокая укорененность в евангельской ортодоксии. Либеральной теологической мысли нравилось гулять на непомерно длинном поводке раскованной вольноотпущенности, постоянно забредая на территории секулярного рассудка и временами напрочь забывая о Боге, Библии и

В. Бачинин
От Карла Маркса
к Карлу Барту

вере. И она, конечно же, увидела в Барте угрозу своему зашкаливающему вольномуслию.

Карл Барт олицетворяет любопытнейший феномен культуры позднего модерна. Он продемонстрировал, что в условиях повального увлечения модернистскими изысканиями мыслитель, находящийся в максимальном удалении от вольных интеллектуальных стрелков и модных новаторов, может успешно соперничать с ними, не уступать им в популярности и заметно превосходить своей продуктивностью. И дело здесь не только в гигантских масштабах дарования Барта как мыслителя. Главная причина скрыта глубже. Она — в насущной потребности гуманитарной, философской, теологической мысли в прочности своих оснований, в фундаментальности собственных построений. Многие увидели в Барте флагмана, в кильватере которого можно было вырваться из стихии модернистско-постмодернистского релятивизма.

Теология кризиса

Барт — интеллектуал-максималист. Его влекут только самые крупные предметы и самые важные проблемы. Он ставит перед собой масштабные цели и решает сложные задачи. В одном из выступлений он объяснил суть замысла “ЦД” при помощи динамической метафоры. Мол, центральную для него тему божественного откровения можно сравнить с громадой величественной, очень красивой горы. А он — всего лишь путешественник, который многократно обходит ее, любясь и восхищаясь открывающимися мощью, красотой и величием. Обнаруживая с каждым следующим обходом все новые поводы для интеллектуальных восторгов, он стремится передать свои впечатления другим людям, чтобы и они приобщились к этой божественной красоте и мудрости.

Барт выказывает себя теологом с широчайшим кругозором. Он

не замыкается в богословии, не игнорирует философию и регулярно спускается с теологических вершин в метафизические долины, где вступает в поединки с крупнейшими европейскими мыслителями, дискутирует с Лейбницем, Шлейермахером, Фихте, Ницше, Сартром, Хайдеггером.

Барт отважно сражается с Кантом, объявившим учение о Троице бесполезной богословской фигурой, воздвигает мощную доказательную конструкцию, обосновывающую ценность тринитарного мышления. В итоге базовый догмат, составляющий сердцевину христианского учения, приобретает блистательное интеллектуально-аналитическое сопровождение, на какое в наше секулярное время уже, казалось бы, и рассчитывать не приходилось.

Барт уделяет значительное внимание философии Ницше и его герою Заратустре. Глубина и тонкость бартовской аналитики делают ее образцом критики ницшеанства.

Для российского читателя особый интерес представляют точки соприкосновения Барта с Ф.М. Достоевским, чьи идеи оказали на него определенное влияние. Прежде всего это мысль о мощи иррациональных начал греха, живущих в человеке, властно детерминирующих его жизненный путь, мешающих ему приблизиться к Богу и приводящих к глубоким кризисам духа в личной и общественно-исторической жизни. Кризис наступает тогда, когда человек выказывает свою несостоятельность в выстраивании должных отношений с Богом, становится радикальным, сильнодействующим средством, которое Бог использует, чтобы основательно встряхнуть человеческое существо, дать ему спасительный шанс, заставить задуматься, одуматься и измениться.

Мыслитель чрезвычайно усложнил наше понимание природы социально-исторических кризисов, продемонстрировав продуктивность те-

ологической методологии, ее способность выявлять множество таких смысловых граней и оттенков в феномене кризиса, которые без нее невозможно разглядеть.

Барт убежден: Бог не вмещается в пространство человеческой культуры, даже самые блистательные духовные ценности, гениальные шедевры литературы и искусства, лучшие философские трактаты бледнеют рядом с Его мудростью, сосредоточенной в Его Слове, в библейском тексте. Культурные артефакты редко оказываются в состоянии бласти человека и его душу. Самое большое, на что они способны в экзистенциальном плане — это инициировать внутренний кризис личности, указать на духовную несостоятельность ее мировоззренческой позиции и тем самым подготовить ее к восприимчивости библейской мудрости.

Голос Бога, взывающий к человеку и требующий от него серьезных перемен в своих воззрениях, может прозвучать откуда угодно. И если у человека духовный слух не притуплен, то у него есть шанс выйти из кризиса посредством метанойи и катарсиса.

Для Барта важно, что в этимологии слова кризис (греч. *krisis* — решение, приговор, суд) присутствует смысл, тождественный содержанию понятия *суд*. Кризисы всякой предметности, всякой плоти, всякого человека свидетельствуют, что Бог не просто властвует над ними, но и судит их.

Человек не располагает собственными достаточными средствами спасения, инициатива такого спасения всегда принадлежит Богу. Кризис-суд, грозящий уничтожением, приводит личность к самоотрицанию-самоуничтожению, пониманию своей полной зависимости от воли Творца. А вслед за пониманием приходит и надежда на спасение. Фаза духовного умирания сменяется фазой духовного воскресения.

Всесторонний, скрупулезный анализ разрывов, надломов, разло-

мов, настигающих человеческое “я”, отрывающих его от Бога, составляет теологию кризиса Барта.

Теология зла: ничтожное

Идеи своей теологии зла Барт черпал не только из философских и богословских трактатов, но и из области непосредственных жизненных впечатлений. Следует помнить, что “Церковная догматика” была начата почти одновременно с приходом Гитлера к власти. Около половины всего текста написано непосредственным свидетелем того почти апокалипсического кошмара, который переживал европейский мир. Барт каждодневно ощущал огнедышащее злование, исходившее из зева нацистского левиафана. И это отразилось на его творчестве: тема зла заняла важное место в “ЦД”.

Барт наблюдал и взлет Гитлера, и его падение. Много лет перед его глазами зиял умопомрачительный парадокс триумфа духовного ничтожества. В том, как духовно убогое существо взмыло над всем миром и возжелало стать его хозяином и господином, присутствовал фермент мрачной загадочности. В этом парадоксе было что-то унижительное для нормального человеческого разума. Он занозой сидел в сознании множества людей и не давал покоя. Барт с его высокогорным, заоблачным богословием не являлся исключением. Его теологическое сознание было обеспокоено темой трансформации зла, загадкой невиданного триумфа ничтожеств. И он предложил свою разгадку, ни в малейшей степени не пожертвовав теологией, не ударившись в психологию, социологию и политологию. Он остался богословом и применил имевшуюся в его распоряжении богословскую оптику для анализа тайны зла. Результат оказался впечатляющим и весьма поучительным.

По мысли Барта, основная вина трагических травм, разрывов и сломов ложится на некую специфическую данность, на совершенно

особое нечто, которому он дает свое название — *ничтожное*. Этим словом Барт маркирует злое, смертельно опасное начало, находящееся в коренном разладе с Божьим порядком. Уже самим актом подобного проименования острая мысль теолога ухватывает этот неблагодарный предмет исследования за его самое существенное свойство и бесцеремонно выволакивает на свет беспощадного анализа. Умственному взору читателя предстает темное скопище негативности, жалкое в своей неказистой ничтожности, отвратительное в своем аморальном безобразии и смертельно опасное в своей готовности все осквернить, растлить, разложить, растоптать и уничтожить. Враждебное Богу, оно временами может взмывать, подобно коршуну, и чувствовать себя триумфатором.

В том, как Барт изображает нечтожное, есть нечто парадоксальное. В своих функциональных, то есть разрушительных проявлениях оно оказывается совсем не ничтожным, а, напротив, сильным и даже могущественным, способным радикально влиять на судьбы мира и людей. Ничтожное — не значит слабосильное, ведь, как известно, крохотная, но смертельно опасная бацилла способна при определенном стечении обстоятельств принести неисчислимые бедствия множеству людей.

Ничтожное наделено свойством прилепиться к тому, что не является ничтожным. Так оно маскируется, выжидает, приобретает алиби, исподтишка осуществляя разрушительные действия. Умение маскироваться, которым оно мастерски владеет, позволяет ему долго оставаться незнанным. Его истинная суть, вызывающая изумление и растерянное недоумение, испуг и отвращение, остается до поры до времени скрытой, чтобы в конце концов обнаружить себя во всей красе.

Ничтожное — непримиримый, несправимый, беспощадный враг бытия, тварного мира, самой жиз-

ни. Перед этим врагом ни в коем случае нельзя капитулировать. Он не является носителем каких-то временных, простительных, преодолимых недостатков. В нем сосредоточена гигантская концентрация подлинного, стопроцентного зла, в его бытии нет ни единого смысла, который оправдывал бы его. В нем нет *ничего*, что позволяло бы идти с ним на компромиссы и заключать перемирия.

* * *

Давно замечено: чем глубже копает мыслитель, тем шире круг людей, которым близки его мысли. В глубоком уважении и даже любви к Карлу Барту сегодня признаются, помимо протестантов, и католики, и православные, и атеисты. Его могучий интеллект и твердая вера, облекшиеся в глубокие по содержанию и блестящие по форме мысли, не оставляют места для сонного равнодушия.

Можно, конечно, понять издателей, у которых не хватило духу издавать перевод “ЦД” целиком, в его идентичности многотомнику оригинала. Уж слишком монументален последний: различные издания “ЦД” состоят из 13-ти, 14-ти и даже 31-го тома (с подробными примечаниями и комментариями). А это слишком твердая пища для нежного возраста наших формирующихся механизмов восприятия современной западной теологии. Потому, вероятно, издатели ограничились публикацией избранных фрагментов текста “ЦД”. Но, как говорится, и за это большое спасибо. А поскольку выпущенные в свет тома на книжных прилавках не залеживаются, то нет сомнений, что со временем полный русский перевод всей “ЦД” непременно появится. Уж слишком крупной фигурой является ее автор. Поэтому пожелаем себе: “Читать и перечитывать Карла Барта!”.

© 2016 В.А. БАЧИНИН,
 доктор социологических наук,
 профессор (Санкт-Петербург)